

Перловый суп. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya1udmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya1udmila.ru/> приятного чтения!

Перловый суп. Людмила Евгеньевна Улицкая

Почему ранняя память зацепилась трижды за этот самый перловый суп? Он был действительно жемчужно-серый, с розоватым, в сторону моркови, переливом и дополнительным перламутровым мерцанием круглой сахарной косточки, полузатоленной в кастрюле.

Вечером, после запоздалого обеда, мама перелила часть супа в помятый солдатский котелок и дала его мне в руки. Я спускалась по лестнице со второго этажа одна, а мама стояла в дверях квартиры и ждала. Эта картина осталась у меня почему-то в этом странном ракурсе, сверху и чуть сбоку: по лестнице осторожно спускается девочка лет четырех в темно-синем фланелевом платье с клетчатым воротничком, в белом фартучке с вышитой на груди кошкой – в одежде, соответствующей дореволюционным идеалам моей бабушки, полагающей, что фартук именно потому должен быть белым, что на темном грязь плохо видна, – коротенькая толстая косичка неудобно утыкается сзади в шею, но поправить невозможно, потому что в одной руке теплый котелок с супом, а другой я держусь за чугунные стойки перил.

Тупфли на пуговицах немного скользят по стертým ступеням, и потому я иду младенческими приставными шагами, с большой опаской.

Я спускаюсь на марш, поворачиваюсь, вижу маму, которая терпеливо ждет меня в дверях и улыбается своей чудесной улыбкой, от которой красота ее немного портится.

Я вздыхаю и продолжаю спуск. Внизу, под лестницей, в каморе, живет пара нищих, костлявый носатый Иван Семенович и маленькая старушка по прозвищу Беретка. Я их боюсь и брезгаю, но мама, как мне кажется, об этом знать не должна.

Под лестницей нет электричества, иногда у них горит керосиновая лампа, иногда совсем темно. Обыкновенно Иван Семенович лежит на какой-то лежанке, покрытой тряпьем, а Беретка, в вытертом бархатном пальто и серо-зеленой вязаной беретке, сидит у него в ногах.

Я стучу. Никто не отзывается. Спиной я открываю дверь. Керосиновая лампа выдает мне Беретку, которую без головного убора я сначала не узнаю. Оказывается, она лысая, вернее, не совсем лысая: и лицо и голова ее покрыты одинаковыми редкими длинными волосами и крупными коричневыми родинками. Она жалко улыбается и суетливо натягивает на лысую голову берет:

– Ой, детка, это ты, а я и не слышу...

Я отдаю ей котелок, из кармана фартука вынимаю два куска хлеба и говорю почему-то "спасибо".

Беретка переливает суп из котелка в банку и бормочет что-то неразборчивое, похоже на "мыло, мыло".

Сухой грязной рукой возвращает мне котелок. Старик кашляет. Беретка кричит ему:

– Иван Семенович! Вам покушать прислали, вставайте!

Пахнет у них ужасно.

С облегчением бегу я вверх по лестнице, мама стоит на свету, в дверном проеме и улыбается мне. Она в белом фартуке, даже с кружевной ленточкой на груди. Мама красивая, как принцесса. Одно только смущает: кажется, у принцесс белокурые волосы, а у мамы веселые черные кудряшки, подхваченные сзади двумя заколками...

Нищие исчезли незадолго до праздника, который я запомнила очень хорошо. Отец вел меня за руку по нарядному городу, и повсюду были выставлены косые красные кресты. Я начинала тогда разбирать буквы и спросила у отца, почему всюду написано "ХА-ХА-ХА...". Он раздраженно дернул меня за руку, а потом объяснил, что эти косые кресты означают еще цифру тридцать.

Перловый суп. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
Вечером того же дня, уже лежа в постели, я слышала, как мама говорит отцу:

- Нет, не понимаю, отказываюсь понимать, кому они мешали...
- Город к празднику почистили... - объяснил ей отец.

Во второй истории перловый суп не был главным действующим лицом, а лишь скромно мелькнул на заднем плане.

Воскресным утром в дверь позвонили. Один раз, а потом еще один. Дверь в нашу комнату была первой по коридору. Один звонок был общий, два - к нам, три - к Цветковым... восемь - к Кошкиным.

- Вероятно, это общий, - пробормотала мама. Коленями она стояла на стуле, а локтями упиралась в стол. Таблицы с синими, красными и взятыми в кружок цифрами лежали перед ней. Две мелкие морщины образовывали между бровей деревце, когда она работала.

Она прыгнула со стула и, все еще неся напряжение мысли на круглом умном лобике, пошла открывать.

Огромная темная женщина стояла в дверном проеме. На ней был длинный военный плащ до полу, ярко белел прибор на круглой толстой голове.

Мама смотрела на нее выжидающе, и тетка не обманула ожидания: она распахнула плащ и предъявила огромное голое тело. У меня дыхание перехватило от этого зрелища: грудь низко свисала и оканчивалась большими, чуть не с чайное блюдце сосками, пупок был размером с чашку, выпуклый и тоже темный, глубокий неровный шов шел поперек живота, над треугольной бородкой вытертых волос, и все вместе это было каким-то страшным великанским лицом, а не женским телом.

- Погорельцы мы! Все-все погорело... как есть... - сказала женщина немосковским мягким голосом и запахла ужасный лик своего тела.

- Ой, да вы заходите, заходите, - пригласила мама, и женщина, озираясь, вошла.

Прихожая нашей многосемейной квартиры была заставлена сундуками, корытами, дровами и шкафами.

- Я сейчас, сейчас, - заторопилась вдруг мама. - Да вы сядьте, - и мама сняла ящик с венского стула, который был втиснут между Цветковским сундуком и тищенковской этажеркой.

Мама кинулась в комнату, вытянула нижний ящик шкафа, села перед ним и стала выбирать из старого белья подходящее для погорелицы. Две длинноногие пары дедовых кальсон бросила она на пол и побежала на кухню. Разожгла примус, поставила на него кастрюлю и снова метнулась в комнату.

Женщина сидела на стуле и все разглядывала рогатую вешалку Кудриных, на которой висели ватник и шинель.

А мама выбросила все с полок шкафа и быстрыми пальчиками перебирала свои тряпки. Мама была маленького роста, и все ее вещи были маленькие, но она нашла то, что искала, - бабушкину коверкотовую юбку и старинную огромную рубаху из пожелтевшего батиста.

И снова мама побежала на кухню, а я понеслась за ней, потому что боялась остаться наедине с тем великаном, что был спрятан у тетки под плащом.

Сосед Цветков высунулся в коридор.

- Погорельцы вот, - сказала ему мама виноватым голосом, но он быстро захлопнул свою дверь.

Мама налила большую миску переливчатого перлового супа, отрезала кусок серого хлеба и вынесла погорелице.

- Вот, покушайте пока, - попросила мама тетку, и тетка приняла миску, - Ой, да

Перловый суп. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru так неудобно, – всполошилась мама и притащила газету. Постелила ее на покрытый сине-красным ковром Цветковский сундук, усадила женщину как бы к столу.

– Дай тебе Бог здоровья, – сказала женщина и принялась за суп.

А я наблюдала сквозь щель неплотно прикрытой двери, как лениво она ест перловый суп, бросая в него кусочки хлеба, скучно водя ложкой в миске и поглядывая по сторонам.

Зубов у нее не было.

"Видно, и зубы сгорели, – подумала я. И еще: – Она тоже не любит перловый суп".

А мама засовывала в узел шелковое трико лососинового цвета с луковыми заплатками и говорила тихонько не то мне, не то самой себе:

– Господи, ну надо же такое, чтоб прямо голой, на улицу...

А женщина доела суп, поставила миску на пол... встала, распахнула плащ... глаз я не могла отвести от ее странных тихих движений.

Наконец мама выволокла узел в коридор:

– Вот. Собрала... Да вы оденьтесь, оденьтесь. У нас ванная комната есть, – предложила мама.

Но женщина отклонила предложение:

– Детки меня ждут... Мне бы деньжонок сколько-нибудь... – А мама уже вынимала сложенную в четыре раза тридцатку. – Спасибо, век вашу доброту не забуду, – поблагодарила женщина скороговоркой, и мама закрыла за ней дверь.

Потом, собирая с полу разбросанные вещи, мама говорила мне в некотором недоумении:

– А штаны сразу могла бы надеть, правда?

Я не сразу ответила, потому что мне кое-что надо было обдумать и понять.

– Штаны холодные, – сообразила я наконец, – а ковер теплый.

Было солнечно и снежно, с детьми в такую погоду полагалось гулять.

– Может, погуляешь сама под окошечком? – извиняющимся голосом предложила мама, кося на свои таблицы.

Я согласилась великодушно. Мама бросила в меня ворохом шерстяной одежды – кофтами, рейтузами, варежками и носочками. Меня снарядили, подвязали поясом желтую плюшевую шубу, сшитую бабушкой из старого покрывала, желтую шапку из того же самого покрывала застегнули под подбородком, дали лопату и синее ведро и вывели на лестницу... Прямо перед нашей дверью лежала развороченная куча маминых вещей. И бедные отвергнутые трико лежали сверху.

– Ой, что же это... – пролепетала моя маленькая мамочка.

– Я же тебе говорю, штаны-то холодные, а ковер теплый... – все пыталась я объяснить маме положение вещей.

– Да какой ковер? – наконец услышала меня мама.

– Тот, что на сундуке лежал... Она его на себя надела, – объяснила я несмысленной маме.

И тогда мама вдруг всплеснула руками и захохотала:

– Ой, что же я наделала! Ну, Цветкова меня убьет!..

Моя мама была биохимиком, и любовь ее к восхитительно стеклянной науке

Перловый суп. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru происходила, вероятно, из того же милого женского корня, откуда произрастает любовь к стряпне. Как мне нравилось в детстве бывать в маминной лаборатории, разглядывать на высоких столах штабеля пробирок с разноцветными растворами, стройные, с птичьими носами бюретки, толстые темные бутылки. И как же ловко мама управлялась со всем этим сверкающим стеклом... Готовила мама тоже преотлично. И соуса, и пироги, и кремы... Дался же мне этот перловый суп! Не так уж часто мама его варила. Но в тот день был как раз перловый...

С колючим шарфом на шее я сидела в кухне на маленькой скамеечке и смотрела, как мама что-то химичит. Еще две соседки копошились у своих столов, мелко гремели посудой, звякали ножами.

И тут в кухню вошла Надежда Ивановна. Странная была старуха, вся в разноцветных заплатках. И на одном глазу, тоже вроде неуместной заплатки, сидело бельмо. Молча потянула она маму за рукав, и мама, бросив морковку и вытирая на ходу руки, мелкой своей походочкой пошла за ней, встревоженно спрашивая:

- что? что? с Ниной?

Нина была дочь Надежды Ивановны, взрослая девушка, тяжелая сердечница с ракушечными голубыми ногтями и синими губами, плохо закрашенными красной помадой.

Я было двинулась за мамой, но она почти грубо махнула мне рукой:

- Сиди здесь.

И я осталась сидеть, обиженно перебирая кисточки кусачего шарфа. Соседки, на минуту оторвавшись от хозяйства, снова застучали и загревели. Потом одна ушла со стопкой чистых тарелок, а вторая пошла отвечать по телефону, который был привинчен к стене в другом конце коридора.

Я сидела довольно долго, успела сплести все кисточки в одну перепутанную косичку.

А потом мама и Надежда Ивановна вернулись. Что-то переменялось. Они шли медленно. Мама, взявши соседку за плечо, усадила ее на табурет. Лицо Надежды Ивановны было неподвижное, белое, казалось, что у нее не одно бельмо, а два. В руке она держала картонный футляр от градусника. Мама ей тихо говорила:

- Мы сейчас валерьянки... валерьяночки... Надежда Ивановна...

- А если "скорую", так ведь увезут... - не меняя неподвижного лица, говорила соседка. И совсем невпопад: - А я думаю, спит-то как спокойно...

- Сейчас, сейчас... Позвоним... все сделаем, Надежда Ивановна, торопливо говорила мама, громко капая в рюмку.

А соседка в коридоре кричала в телефон:

- Это тебе не отдел снабжения, Шура, ты имей в виду... Пусть заявку пишет, от меня не дождетесь!

Надежда Ивановна отвела мамину руку с протянутой рюмочкой и с лицом, как будто вдруг проснувшись, сказала маме:

- Марина Борисовна, налей-ка ты мне тарелку супчику...

Мама заметалась, вытащила из-под меня скамеечку, потому что красивые тарелки стояли на верхней полке и она до них не доставала. Налила в белую фаянсовую тарелку с выпуклыми квадратиками по краю серебристого и переливчатого перлового супа, поставила тарелку на край кухонного стола. Вытерла серебряную ложку с тонким черенком свежим полотенцем и подала соседке.

- И ты поешь со мной, Марина Борисовна, - попросила Надежда Ивановна, и мама протерла еще одну ложку и, придвинув вторую табуретку, села рядом с одноглазой старухой и запустила ложку в ту же самую тарелку.

Перловый суп. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya1udmila.ru
Мне очень хотелось сказать этой старухе, что мамочка моя никакая не Марина, что ее зовут Мириам, но сказать я не могла ничего, потому что они ели из одной тарелки, и слезы текли по лицу Надежды Ивановны, и не только из живого, но и из белого, неживого глаза, и по маминому лицу тоже текли слезы.

- Вкусный ты суп варишь, Марина Борисовна, - сказала Надежда Ивановна. - И чего ты в него ложишь?

Она последний раз облизнула ложку и положила ее рядом с тарелкой:

- Спасибо тебе. Отмучилась моя доченька.

...Давно никого нет. Нины. Надежды Ивановны. Мамы уже двадцать лет как нет. И перловый суп я никогда не варю.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ulitskaya1udmila.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!